

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Статья посвящена процессам развития семантики качественных адъективных лексем на одном из этапов развития русского языка национального периода. В статье рассматриваются семантические приращения качественных прилагательных нескольких лексико-семантических групп, таких как тактильная и вкусовая. Многие из лексико-семантических вариантов лексем, появившиеся в XVIII веке, закрепились в лексической системе современного русского языка.

Сочетания с прилагательными вкуса в древнерусском языке были в значительной степени фразеологизированы, напоминая фольклорные обороты типа горе горькое. Таковы сочетания сладкая чаша, то есть нечто приятное, что предстоит испытать (испить), сладкий плод учения и т. д. Метафоры же со сложными ассоциативными связями, по нашим наблюдениям, возникают именно в языке XVII века.

Таким образом, в языке XVII века наметилось стремление преодолеть церковнославянские языковые традиции. В результате этого у прилагательных вкусовой ЛСГ выявились новые тенденции семантического развития: увеличился круг существительных-денотатов, с которыми могли сочетаться прилагательные вкуса, расширились ассоциативные связи. Все это повлекло за собой возможность создания новых словосочетаний с метафорическими значениями прилагательных вкусовой ЛСГ и, соответственно, усложнение смысловой структуры этих прилагательных. В еще большей степени семантические структуры прилагательных вкуса претерпели изменения в языке XVIII века, когда происходило усиление категории качества. «Быстрое и всестороннее развитие категории качества в литературном языке XVII–XVIII веков было вызвано стремительным процессом национализации русского языка и сближением с западноевропейскими языками...» [5, с. 153].

Семантическая структура прилагательного сладкий в конце XVIII века, по данным Словаря церковнославянского и русского языка 1847 г., содержит следующие значения:

1. Приятный на вкус, не имеющий горечи, кислоты и остроты.
2. Приятный, услаждающий чувства. Кроме того, словарь дает еще два терминологических сочетания, где у прилагательного сладкий выявляются связанные значения: сладкая трава – особый вид лекарственного растения и сладкая земля – 'окись металла глициния. Отметим, что в Словаре церковнославянского языка И. Л. Алексева (1773–1776 гг.) значения «пресный» и «вкусный» еще рассматриваются как актуальные, в то время как Словарь Академии Российской их уже не фиксирует. Это может

означать, что на протяжении XVII–XVIII вв. эти смыслы прилагательного сладкий окончательно устарели, то есть семантическая структура прилагательного сладкий упростилась. Сложные же прилагательные типа сладкоречивый, восходящие к церковнославянской языковой традиции, принадлежали именно языку XVIII века, а затем устарели. Появление подобных прилагательных А. Н. Веселовский связывал с более высокой степенью развития поэтического, языка: «Позднему времени отвечают сложные эпитеты, сокращенные из определений и сравнений» [1, с. 73].

Несмотря на то, что словари XVIII века не фиксируют многих значений, анализ словоупотреблений писателей этого периода позволяет утверждать, что в языке происходило постоянное усложнение семантических структур прилагательных вкусовой ЛСГ, рост числа переносных значений. Этот процесс происходил в сложных условиях, поэтому шел очень неравномерно. Если в языке XVII века смысловому развитию прилагательных вкуса мешали семантические клише церковнославянского языка, то в XVIII веке этому развитию оказывали препятствия ограничения классицизма.

Общепринятыми в языке XVIII века были так называемые поэтические формулы (термин А.Н. Веселовского). «Поэтический язык состоит из формул, которые в течение известного времени вызывали известные группы образных ассоциаций. И мы приучаемся соединять со словом вообще ряд известных представлений об объекте. Поэтические формулы – это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов, в одном более, в другом менее» [1, с. 376]. По-видимому, писатели XVIII века сознательно стремились к обязательности, трафаретности восприятия создаваемых ими образов, для чего и применялись поэтические формулы. Способы словесной выразительности с помощью такого рода речевых штампов были заимствованы из западноевропейских языков, главным образом, из французского. Как показывают наблюдения, на протяжении первых десятилетий XVIII века поэтические формулы становятся главенствующими в языке и полностью вытесняют тяжеловесные конструкции конца XVII – начала XVIII веков, достаточно сопоставить стиль М. В. Ломоносова и стиль Н. М. Карамзина. Семантика словосочетаний с прилагательными вкусовой ЛСГ в языке этого периода как раз и представляет собой развертывание таких поэтических формул. Необходимо подчеркнуть, что в этот период такой способ словесной выразительности не только не осуждался, но, наоборот, приветствовался. Поэтические штампы имели немало преимуществ, так как в сознании читателя легко актуализировались ассоциации, связанные с данными готовыми словосочетаниями и закрепленные в них. Для семантики слов, однако, этот способ словесной выразительности был скорее негативным. Постоянное употребление поэтических формул способствовало закреплению уже известных

значений, но не стимулировало появление семантических инноваций. Употребление же сочетаний, которые бы не соответствовали общепринятому канону, не приветствовалось. Например, в текстах XVIII века очень часто использовалось сочетание сладкий сон с практически десемантизированным адъективным компонентом. Экспрессия в этом случае достигалась за счет включения механизма привычных ассоциаций. «Для поэтики XVIII века принципиальная повторяемость не менее важна, чем то или иное строение поэтического тропа... Чистый классицизм не отвергал метафорическое изменение значений, он только подчинил его жестким нормам»[8, с. 31]. Это замечание очень точно характеризует двойственность, неустойчивость семантической системы языка XVIII века. Наблюдения показывают, что адъективные лексемы группы вкуса в этот период крайне редко сочетались с существительными, которые обозначали различные физические и душевные качества человека. Очевидно, запрет на подобную сочетаемость распространялся на любые метафорические употребления с самыми различными типами адъективных слов, не только прилагательных группы вкуса. В подтверждение этого можно сослаться на мнение В. А. Жуковского: «Дремать в золотых мечтах никак нельзя. Золотые мечты хороши, когда говоришь просто о мечтах и хочешь дать им отвлеченный образ, но как скоро говоришь о мечтах в отношении того, кто их имеет, то золотые вовсе не годятся». Данный отрывок из письма Жуковского Вяземскому датируется 1803 годом, так что, как видно, ограничения на сочетаемость многих значений прилагательных продолжали действовать далее в начале XIX века.

Прилагательные вкуса использовались многими писателями XVIII века, но особый интерес для анализа представляют словоупотребления Н.М. Карамзина, так как в них зафиксированы в известном смысле результаты семантической эволюции прилагательных вкусовой ЛСГ к исходу XVIII века. В его стихотворных и прозаических текстах число употреблений лексемы сладкий является наибольшим из всех других текстов XVIII века и равно 46. По формуле американского лингвиста Г. Ципфа можно определить примерное число значений, имевших место в семантической структуре этого прилагательного к исходу XVIII века. Из формулы следует, что число значений слова стремится к корню квадратному из числа всех употреблений. Несложные подсчеты показывают, что у прилагательного сладкий в конце XVIII века было около 7 значений. Отметим еще раз, что Словарь 1847 г. отмечает только 2 значения. Таким образом, многие значения, которые реально присутствовали в языковом сознании носителей языка конца XVIII века, словарем не были зафиксированы, а значит, и не считались нормативными.

Попытаемся выявить эти новые для языка XVIII века смыслы.

1. Значение «льстивый»: «Государь мой, – отвечал офицер со сладкой улыбкой, но видно было, что он досадует на меня». (Карамзин. Письма русского путешественника. М., 1980, с.63).

На основе семы «воздействующий на органы чувств» у прилагательного сладкий развивается значение «приятный на вкус». Та же сема, но при участии пейоративной оцепочности, формирует переносное значение «приторный». Прилагательные вкуса, как известно, относятся к прилагательным с градуируемой семантикой. При некоторой норме признака у прилагательного обнаруживается только положительная оценочность: сладкий – хороший! Когда же эта норма оказывается превышенной (слишком сладкий – неприятный), то актуализируется отрицательная оценочность: сладкий – плохой. Переосмысление значения прилагательного приводит к появлению значений «льстивый, лицемерный».

2. Значение «умильный, нежный»: Вышедши из театра, обтер я последнюю сладкую слезу. (Карамзин. Письма русского путешественника, с. 96). Данное значение также не было свойственно русскому языку до конца XVIII века. Семантика этого словосочетания представляет собой сумму смыслов лексем, входящих в словосочетание. Вопреки формальным критериям, основную смысловую нагрузку несет не субстантивный, а адъективный компонент словосочетания. Главная причина появления значения «умильный, нежный» заключается в повышении внимания писателей-сентименталистов к особым средствам выразительности, так называемому «языку сердца».

3. Значение «талантливый». В языке XVIII века отмечаются многочисленные сочетания, где у прилагательного сладкий на первый план выходит культурный компонент значения: сладкие певички. (Карамзин. Письма... с. 16), сладкий Анакреон (Сумароков. Хрестоматия XVIII века, ч. I, с. 67), сладчайший песнопевец (Державин, Хрестоматия XVIII века, ч. I, с. 202). В языке XVIII века эта модель семантического развития прилагательных вкусовой ЛСГ была очень продуктивной. Появление такого значения прилагательного сладкий связано с диффузией созначений вызывающий приятные ощущения и значения, связанного с культурными реалиями. Ассоциативная связь возникает при объединении вкусового прилагательного и существительного, выражающего результаты творческих усилий деятелей культуры: стихи, песни, книги и т.д.

4. У Ломоносова встретилось сочетание сладкий век: о сладкий век, о жизнь драгая... (Ломоносов. Ода... 1742 г. Хрестоматия OT века, с. 108).

Семантическое развитие прилагательного сладкий происходило в данном случае по аналогии. ЛСВ прилагательного в сочетании сладкий век напоминает другие эпитеты к существительному век. В языке XVIII века подобные сочетания были очень распространены. Подтверждение этому можно найти, например, в стихотворении Карамзина, где слову век

дается сразу несколько эпитетов: Овидий воспевал начало всех вещей, Златой блаженный век, серебряный и медный, Железный, наконец, несчастный, страшный век.

5. У Державина встретилось фразеологически связанное значение в сочетании сладкий дым: Мила нам добра весть о нашей стороне, Отечества и дым нам сладок и приятен (Державин. Арфа, 1798 г. Избранное, с. 162). В результате частого цитирования сочетание сладкий дым в значении «нечто приятное» фразеологизировалось еще в начале XIX века. Например, оно использовалось А. С. Грибоедовым в комедии «Горе от ума» без указания на источник, то есть, очевидно, предполагалось, что авторство данного сочетания читателю известно.

В дальнейшем же это сочетание приобрело статус идиомы и обычно воспроизводится в готовом виде.

6. В языке XVIII века появилось сочетание сладкий язык (о русском языке): Язык наш чист и сладок, и пышен, и богат Сумароков. Эпистола о русском языке. Русские писатели о языке. М., 1955, с. 47). Русский язык, как известно, характеризуется мягкостью, приятным выговором». Третьяковский называл русский язык «языком сладкия любви». Ломоносов отмечал в русском языке «нежность италийского языка».

При создании данного значения прилагательного сладкий применяется синестезия значений: приятный на слух – приятный на вкус. В результате интерсенсорного переноса происходит диффузия значений Лексемы сладкий и возникает новое значение.

Для языка XVIII века характерна слабая распространенность других, кроме лексемы сладкий, прилагательных вкусовой. Так, у Державина 31 раз встречаются разные ЛСВ прилагательного сладкий и только 2 ЛСВ прилагательного горький. Иные же лексемы вкуса (кислый, пресный и др.) практически встречаются только в номинативных значениях.

На такую экспансию прилагательного сладкий влияли как языковые, так и экстралингвистические факторы. Среди образных средств литературы XVIII века неизбежно должно было появиться прилагательное, которое бы являлось доминантой «сладостного» языка того времени.

Для языка XVIII века была характерна еще одна модель семантического развития прилагательных вкусовой ЛСГ: создание так называемых оксиморон: сладкая боль, сладкая слеза. Такие сочетания, не входящие в семантическую систему языка, тем не менее показывали, до каких пределов возможно изменение смысла прилагательных. Распространение оксюморонных сочетаний связано, во-первых, с влиянием западноевропейских языков, особенно французского, во-вторых, с попытками обновления стилистических ресурсов языка, преодоления трафаретных моделей.

Таким образом, смысловое развитие прилагательных вкусовой ЛСГ в языке XVIII века характеризовалось следующими особенностями.

Семантика прилагательных группы вкуса развивалась в русле общего процесса усиления категории качества в русском языке XVIII века. В наибольшей степени подверглась изменениям смысловая структура прилагательного сладкий, которое было в этот период «доминантной» лексемой вкусовой ЛСГ.

Развитие семантики прилагательных группы вкуса происходило на фоне усиления абстрактности частей речи, что проявлялось в расширении сочетаемости прилагательных вкусовой ЛСГ с абстрактными существительными. Для языка XVIII века было характерно появление новых моделей семантического развития прилагательных вкусовой ЛСГ, что было связано с преодолением канонов классицизма в области словоупотребления, а также с влиянием других языков.

Литература

1. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М., 1989.
2. Виноградов, В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М., 1977.
3. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв. / В. В. Виноградов. – М., 1982.
4. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М., 1988.
5. Процессы формирования лексики русского литературного языка / от Кантемира до Карамзина. – М., 1966.
6. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики на материале русского языка / Д.Н. Шмелёв. – М., 1969.
7. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А.Н. Шрамм. – Л., 1978